

В статье недостаточно аргументирован вывод о том, что кочевой образ жизни эвенков есть не что иное, как рациональная форма осуществления промыслово-оленинческого хозяйства в условиях тайги и тундры, и что прекращение кочевания приведет к ухудшению условий ведения охоты и оленеводства, к понижению доходов от этих наиболее выгодных на Севере отраслей хозяйства (стр. 171). Вряд ли можно согласиться с таким категорическим утверждением по отношению ко всем эвенкам.

Жилищное строительство у ваховских хантов рассматривается в статье З. П. Соколовой «Современные селения и жилища ваховских хантов». Статья открывается краткой характеристикой хозяйства, культуры и быта ваховских хантов. Основное место в статье занимают вопросы строительства новых, укрупненных поселков. Автор делает ряд весьма ценных рекомендаций о выборе места для устройства поселков и характере сооружаемых жилищ. З. П. Соколова считает необходимым при этом учитывать национальную и хозяйственную специфику коренного населения.

Завершает сборник очень содержательная статья К. Г. Кузакова «Хозяйство, культура и быт колхозников Аянки». Селение Аянки расположено на севере Пензенского района Корякского национального округа. Оно является хозяйственным центром колхоза-миллионера «Полярная звезда», которому принадлежат огромные пастбищные и охотничьи угодья (6 млн. га). В Аянки живут чукчи, коряки, эвенки, эвены, русские.

Автор дал глубокий анализ всех отраслей хозяйства колхоза, подробно описал быт охотников и оленеводов.

К сожалению, в статье квалифицированного экономиста, занимающегося хозяйством народов Севера, совершенно не затронута проблема перехода на оседлость.

Рецензируемый сборник хорошо иллюстрирован (77 рисунков и фотографий, 8 карт и схем), снабжен словарем местных терминов и специальных названий.

В заключение необходимо подчеркнуть высокий научный уровень рецензируемого сборника. Его материалы представляют интерес не только для историков и этнографов, но имеют и несомненную практическую ценность.

С. И. Вайнштейн, Ч. М. Таксами

Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, I. Материалы по археологии и этнографии западной Тувы. Ответственный редактор Л. П. Потапов. М.—Л., 1960, 312 стр., 275 рис.

В 1960 г. Тувинская комплексная экспедиция Института этнографии АН СССР (ТКЭАН, руководитель экспедиции — проф. Л. П. Потапов) приступила к публикации полевых материалов, собранных ее коллективом со времени начала работ (1957 г.). В рецензируемом томе публикуются отчеты и материалы, освещающие результаты полевых исследований экспедиции в районах западной Тувы (Монгун-Тайга и Кара-Холь) в 1957—1958 гг.

Западная часть Тувы, находящаяся на границе Горно-Алтайской и Хакасской автономных областей, до сих пор была почти не затронута археолого-этнографическими исследованиями, и поэтому выбор района работ был произведен безусловно удачно. Теперь наука получила первые материалы для суждения о многих вопросах истории и культуры этого уголка Саяно-Алтайского нагорья, связанного с сопредельными территориями, уже сравнительно хорошо изученными в археолого-этнографическом отношении. И в этом заключается бесспорная заслуга коллектива ТКЭАН.

Рецензируемая книга посвящена только публикации материалов, без попыток исследовательских обобщений, о чем сказано уже во вводной статье Л. П. Потапова (стр. 3—6), в которой изложены основные задачи, поставленные перед экспедицией, обоснован выбор района ее работ, рассказано о будущих планах. Три последующие статьи являются отчетами об археологических раскопках. Это отчеты А. Д. Грача (стр. 7—150) «Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в центральной Туве (полевой сезон 1957 г.)», «Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.)» и В. П. Дьяконовой «Поздние археологические памятники на территории западной Тувы» (стр. 151—170).

Следующие три статьи посвящены публикации части собранных экспедицией обширных этнографических материалов. Это работы Л. П. Потапова «Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя» (стр. 171—237), В. П. Дьяконовой «Материалы по одежде тувинцев» (стр. 238—266) и статья П. И. Каралькина «Жилище в западной Туве» (стр. 267—283). Том включает антропологическое исследование В. П. Алексеева о краниологических материалах, собранных ТКЭАН за эти годы, «Материалы к палеоантропологии западной Тувы» (стр. 284—312).

Л. П. Потапов во вводной статье объясняет, что «Институт этнографии взял на себя труд по исследованию археологических памятников Тувы, несмотря на то, что

археологическая полевая исследовательская работа не является характерной для научного профиля этого Института» (стр. 4), так как, во-первых, «в археологическом отношении Тува не изучена» и, во-вторых, «археологи, как правило, исследуют ранние памятники» и не изучают памятников XVI—XIX вв., непосредственно смыкающихся с этнографической современностью.

Эта мотивировка нуждается все же в уточнении. Если нельзя не согласиться с тем, что Тува в археологическом отношении еще недостаточно изучена, то следовало бы сказать, что археологические материалы по Туве уже начали накапливаться.

Еще за два года до организации ТКЭАН, в 1955 г., приступила к регулярным многолетним работам Тувинская археологическая экспедиция Московского государственного университета, которая изучила по архивным данным и по коллекциям в музеях Ленинграда и Томска неопубликованные материалы раскопок, произведенных в Туве археологами А. В. Адриановым в 1915—1916 гг. (61 памятник) и С. А. Теплоуховым в 1926, 1927 и 1929 гг. (около 160 памятников), а также данные больших разведочных маршрутов в Туве Саяно-Алтайской археологической экспедиции под руководством С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой (1947 г.)¹, и продолжил изучение всех археологических памятников Тувы.

Тувинская археологическая экспедиция МГУ, ведя полевые исследования в прошлые сезоны 1955—1960 гг., поставила своей основной задачей создание периодизации археологических культур этой области с древнейших времен «до этнографически известной культуры тувинцев XVIII—XIX вв.»². Первая работа на эту тему вышла в 1958 г.³, и на нее имеются ссылки в статье В. П. Алексева, входящей в рецензируемый том (см. стр. 284).

Что касается вопроса о памятниках XVI—XIX вв., то занимались ими все археологи, работавшие в Туве. Так, А. В. Адриановым раскопано два погребения этого времени, С. А. Теплоуховым — 15 и Н. Г. Богатыревым в 1941 г. — три. Коллекции из этих раскопок не опубликованы и хранятся в музеях, в том числе в Государственном Эрмитаже; очевидно, что археологам ТКЭАН необходимо было иметь их в виду⁴.

В. П. Дьяконова, специально занимавшаяся этими поздними памятниками, рассматривая материалы шести погребений XVIII—XX вв. из раскопок ТКЭАН в 1957—1958 гг., ссылается на раскопки поздних памятников на Алтае, Чулыме, в Хакасии и Якутии (стр. 151—152), но не упоминает о работах по Туве своих предшественников, собравших ценные материалы по погребальному обряду и материальной культуре тувинцев в XVI—XIX вв.

Археологические отчеты А. Д. Грача и В. П. Дьяконовой представляют значительный интерес. Материалами отчетов впервые доказано распространение в самых западных районах Тувы памятников тех же культур, какие были выявлены до работ ТКЭАН на территории от долины р. Хемчика до Эрзина с запада на восток и от Тес-Хема до Тоджи с юга на север⁵.

Отчеты А. Д. Грача и В. П. Дьяконовой прекрасно иллюстрированы фотографиями, чертежами и рисунками. Ознакомление с документацией позволяет заключить, что раскопки производились на хорошем методическом уровне. Наши замечания, касающиеся археологических отчетов, немногочисленны и носят частный характер. Например, основные и впускные погребения одних и тех же курганов в отчетах А. Д. Грача и В. П. Дьяконовой не имеют своих особых номеров (МТ—57—II, V, VII; МТ—58—IV, X). На всех рисунках погребений очень трудно разыскать ту или иную находку, так как они не выделены и не имеют номеров. Затрудняет изучение отчетов и то, что все найденные предметы даны в фотографиях, а не в рисунках с необходимыми сечениями. Это не дает полного представления о предмете. Например, на рис. 65 (стр. 126) и 75 (стр. 132) невозможно различить типы наконечников стрел, отличить трехлопастные от плоских или «тяжелых» (стр. 131), на рис. 8 (стр. 157) определить тип стремян и т. д.

¹ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Саяно-Алтайская экспедиция, КСИИМК, вып. XXVI, М., — Л., 1949.

² Л. Р. Кызласов, Этапы древней истории Тувы, «Вестник МГУ», историко-филологическая серия, 1958, № 4, стр. 71, прим. 1.

³ Л. Р. Кызласов, Указ. раб.; О первом опыте классификации культур Тувы в эпоху раннего железа нами было сообщено в докладе на секции раннего железа в апреле 1956 г. на пленуме ИИМК в Ленинграде — см.: «Советская археология», 1957, № 1, стр. 295 и КСИИМК, вып. 72, М., 1958, стр. 136; ср. наш отчет об экспедиции 1955 г. в Архиве Института археологии АН СССР, Р. 1, № 1212.

⁴ Впрочем, они известны отчасти А. Д. Грачу, см. стр. 72.

⁵ Л. Р. Кызласов, Указ. раб.; его же, Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.), «Вестник МГУ», серия IX, Исторические науки, 1960, № 1; его же, Тува в составе Уйгурского каганата (VIII—IX вв.), «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. VIII, Кызыл, 1960; его же, О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв., «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. VIII, Абакан, 1960. Ср. С. И. Вайнштейн, Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг., «Уч. записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. VI, Кызыл, 1958.

К сожалению, пользование отчетами затруднено и неоднократно случаются расхождений данных текста и чертежа. Например, в отчетах А. Д. Грача: 1) на стр. 40 сказано, что предметы найдены «в крайней южной ямке», а на чертеже (рис. 41) они находятся в северной; 2) на том же плане кургана изображены две ямки (рис. 41), а в тексте (стр. 40) говорится о трех углублениях; 3) на стр. 53 говорится, что «плитовая могила» в кургане МТ—57—XXXIV обнаружена «на уровне горизонта», а на чертеже она изображена в яме (рис. 65); 4) на стр. 110 сказано, что скелет ориентирован «головой на запад» — на чертеже он ориентирован на северо-запад (рис. 47 на стр. 112); 5) рис. 49 и 50 погребения МТ—58—II не сопоставимы, так как на рис. 49 неверно изображено направление на север, а в тексте (стр. 111) говорится об оси «северо-восток — северо-запад» (?!).

В отчете В. П. Дьяконовой: 1) по кургану МТ—57—II на рис. 1 неверно ориентирован план кургана и сопоставление рисунка погребения с текстом (стр. 152) выявляет ошибку в тексте, где сказано, что костяки коней ориентированы «головами на-юг», а надо: «головами на север»; 2) по кургану МТ—57—VII в тексте (стр. 159) говорится, что костяк коня «ориентирован головой на север (череп лошади и кости передних конечностей отсутствовали)», а на рис. 13 по расположению костей таза и лопаток видно, что костяк был положен передней частью на юг.

Укажу еще на одну досадную ошибку в археологическом отчете В. П. Дьяконовой. На рис. 24 (стр. 169) у нее фигурирует железный скребок, а на рис. 12 (1, 2) на стр. 160, такой же сломанный скребок из другого погребения (на рисунке изображен в двух частях) и в подписи под рисунком, и в тексте (стр. 158) назван двумя ножами (!?).

В отчетах А. Д. Грача почти отсутствуют описания могильных ям, не указываются в тексте их размеры и иногда ориентировка, вместо этого часто фигурируют неопределенные термины: «могильное пятно» (стр. 17, 88, 121 и др.), «вещевое пятно» (стр. 42—46, 142, 147 и др.) и т. п.

Следует отметить большую разнородность в употребляемых А. Д. Грачом терминах. Погребальные сооружения одного типа цист-каменных оболочек, воздвигнутых внутри кургана над уложенным на горизонте трупом человека, называются им по-разному: «плитовая могила» (стр. 53, 57), «плитовые гробницы» (стр. 54, 145), «каменные ящики» (стр. 56—58, 119), «валунная обкладка» (стр. 61), «валунные камеры» (стр. 109) или даже «погребения на горизонте» (117—119). Полагаем, что такие погребения следует называть цистами — в отличие от каменных ящиков, составленных из вертикально или на боку установленных плит (см. стр. 99). К сожалению А. Д. Грач и каменные ящики называет «плитовыми гробницами» (стр. 83 и 145), чем вносит путаницу в типологию древних погребений Тувы.

Приходится констатировать также, что и отдельные эпохи выделены А. Д. Грачом не по местным, присущим Туве историческим периодам, представленным уже в литературе⁶. Так, период существования уюкской культуры Тувы (VII—III вв. до н. э.) называется им то «скифским временем» (стр. 12, 70, 145), то «временем ранних кочевников» (стр. 70, 109, 146), хотя ни скифов, ни ранних кочевников в Туве не было. По непонятным причинам говорится о каком-то древнетюркском времени (стр. 17, 35, 70, 120, 146 и 148), хронологические рамки которого «определяются в основном VI—IX вв.» (? — стр. 70) или даже VII—X вв. н. э. (стр. 146). Известно, что древнетюркское время — это лишь период вхождения древних племен Тувы в государство торок-тугу с 555 по 745 г.⁷ что в 750—840 гг. Тува входила в состав другого государства — Уйгурского каганата⁸, и это, следовательно, был уже уйгурский период, что, наконец, с 840 по 1207 г. наступил период древнехакасского государства. Таким образом, если учесть основную задачу экспедиции — сбор материалов для разработки проблем этногенеза и изучения происхождения тувинского народа (стр. 3, 4, 7), то следует разновременные памятники разных этнических групп рассматривать не как «варианты погребений древнетюркского времени» (стр. 71), а подходить к ним исторически, конкретнее, без рассуждений о безмянных «этнических пластах» VII—X вв. (стр. 148).

За два сезона 1957—1958 гг. А. Д. Грачом был исследован, судя по отчетам, 51 памятник. Из этого числа следует вычестить 11 курганов и оградок, не давших ни погребений, ни предметов. Из сорока остающихся памятников только 23 кургана имели погребения, или являлись кенотафами, с инвентарем и могут быть сравнительно точно датированы. В других 17 курганах с погребениями не обнаружено находок, и их время может быть определено далеко не всегда точно и только лишь при помощи изучения устройства погребального сооружения и обряда.

При сопоставлении со всеми известными с территории Тувы памятниками выясняется следующее: 1) к уюкской культуре относятся пять курганов (МТ—57—III, XXII, XXIII; МТ—58—XIV (I); КХ—58—I); 2) к шурмакской культуре — шесть курганов: два погребальных (КХ—58—II, VI), и четыре поминальных (МТ—57—XI, XII, XVII, XX); 3) к периоду Тюркского каганата (VI—VIII вв.) — два тюркских погребе-

⁶ Л. Р. Кызласов, Этапы древней истории Тувы.

⁷ Л. Р. Кызласов, Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.).

⁸ Л. Р. Кызласов, Тува в составе Уйгурского каганата (VIII—IX вв.).

ния (МТ—57—XXXVI и МТ—58—VIII) и, видимо, поминальная оградка МТ—57—XL; 4) к периоду Уйгурского каганата (VIII—IX вв.) — шесть курганов (МТ—57—IX, XXVI, XXXI, XXXII, XXXVII, МТ—58—X); 5) к первому этапу древнехакасского периода (IX—X вв.) относятся восемь курганов: 4 хакасских по инвентарю и обряду трупосожжения (МТ—57—VI, VII, XXI и БТ—58—I), два кургана местных чикских племен (КХ—58—IV и МТ—58—VI) и два тюркских кенотафа (МТ—58—IV и V).

Последние памятники неосновательно связываются автором с группой погребений, отличающихся северной ориентировкой скелета человека и южной ориентировкой коня (стр. 148), чего делать нельзя, ибо кони в кенотафах как раз лежат головой на север.

Наконец, следует остановиться на вопросе о датировке раскопанных в Монгун-Тайге десяти погребений на горизонте в цистах, не имевших вещей и ориентированных головой на запад (МТ—57—II; V, XVIII, XXX, XXXIV; МТ—58—I, II, III, XIII, XV). В настоящее время, до получения серии датированных материалов, следует их относить к I этапу уюкской культуры, т. е. к VII—VI вв. до н. э. Это мы можем заключить по единственному погребению такого типа, раскопанному нами на р. Элегесте в 1960 г. (Шанчигский могильник, курган № 15), в котором имелся инвентарь VII—VI вв. до н. э. (двухсторонний боевой молот и пронизка из бронзы, а также обломки двух сосудов).

Ознакомление с отчетами А. Д. Грача показывает, что материалы ТКЭАН представляют ценное прибавление для уточнения общей картины археологических культур Тувы, но следует безусловно согласиться с автором, что «многие хронологические этапы отражены еще крайне фрагментарно» (стр. 144), и для того, чтобы разобраться с деталями этногенетического процесса у древнего населения западной Тувы, необходимы многолетние раскопки памятников этого района.

Из более мелких замечаний считаю необходимым отметить три: 1) найденная А. Д. Грачом в кенотафе МТ—58—IV китайская монета с надписью Кайюань-тунбао и гладким реверсом не может точно датироваться 713—741 гг., как сказано на стр. 131 и 147, ибо точно такие монеты неоднократно выпускались при Танах и в период «У-дай», начиная с 621 по 927 г.; 2) неверно шурмакскую вазу называть «кыргызской», так как последние делались на кругу и имеют иную форму (стр. 92); 3) не следует археологу искать «культурный слой» в курганах или же поминальных оградах (стр. 63).

Что касается статьи В. П. Алексеева «Материалы к палеоантропологии западной Тувы», то, не будучи специалистом, позволю себе указать только на некоторую несогласованность данных автора с отчетами археологов. Так, например, В. П. Алексеев как антрополог определяет пол погребенного в кургане МТ—58—XVIII как мужской (стр. 302), а В. П. Дьяконова, ссылаясь на тувинку — бабушку Анай и сделанные в этом кургане находки предметов женского обихода, пишет о женском погребении и даже как этнограф считает возможным говорить о погребении незамужней женщины (стр. 167—169).

У А. Д. Грача (стр. 103) отнскительно могилы КХ—58—VI сказано, что «датировка погребения пока не представляется возможной», а у В. П. Алексеева она отнесена к «скифо-сарматскому времени». У А. Д. Грача в кургане-кенотафе МТ—58—V вместо человека лежала кукла (стр. 141), а у В. П. Алексеева (стр. 298) значитс мужчина!

Этнографические статьи тома представляют особую ценность, ибо, несмотря на сравнительно значительную дореволюционную и советскую литературу, в той или иной степени затрагивающую этнографию тувинцев, они впервые, с большой полнотой освещают особенности материальной и духовной жизни западных тувинцев, публикуют систематизированные материалы, собранные по программе, отвечающей высоким требованиям современной этнографической науки.

В статье Л. П. Потапова справедливо указывается, что некоторые этнографические наблюдения были сделаны посетившими западную часть Тувы еще в XIX и в начале XX века путешественниками П. Чихачевым, В. Радловым и И. Штыгашевым. Далее в статье подробно изложены систематизированные материалы ТКЭАН по следующему разделам: 1) пища и способы ее приготовления; 2) народные знания; 3) семейно-брачные отношения; 4) религиозные воззрения тувинцев, связанные с шаманским культом.

Особый интерес вызывает раздел о народных знаниях, данные о которых, к сожалению, приводятся далеко не во всех этнографических работах, посвященных тому или иному народу, и почти полностью отсутствуют в описаниях народов Сибири. Л. П. Потаповым кропотливо собраны сведения о народном календаре, представлениях о звездном небе, о важных в практической жизни народных мерах.

В разделе о религиозных верованиях особо ценны материалы по общественным, родовым и шаманским культам, которые сохранились несмотря на давнее проникновение к тувинцам ламаизма, являвшегося официальной религией. Эти данные позволяя многое высветить в этнической истории западных тувинцев и их исторически сложившихся культурных связях с родственными соседними народами Саяно-Алтая.

Как справедливо указывает Л. П. Потапов, «выдающийся научный интерес представляет собой тип шаманского погребения, обнаруженный впервые в Кара-Холе, который до сих пор не был известен этнографам и, конечно, не нашел отражения в научной литературе. Речь идет об особом деревянном срубных гробницах шамана, построенных в виде домика с двухскатной крышей на четырех высоких толстых столбах» (стр. 224).

Эта гробница подробно описана автором и тщательно зафиксирована не только photographиями (рис. 18—20), но и хорошо выполненными чертежами (рис 23—24). Кроме того, членами экспедиции осмотрено еще несколько аналогичных разрушившихся гробниц шаманов и установлено, что они соорудились повсеместно в Кара-Холе и Мон-гун-Тайге еще в начале нашего столетия.

Безусловно, первая научная фиксация таких погребальных сооружений у западных тувинцев — это достижение экспедиции Института этнографии.

При этом автор приводит как единственную аналогию сообщение из рукописи Г. У. Эргиса о подобной старинной гробнице рядового якута (стр. 230) о том, что срубные с двухскатной крышей гробницы на столбах были распространены у якутов. Но мне кажется, что несмотря на отсутствие таких типов двухэтажных срубных деревянных гробниц с двухскатной крышей у соседних с тувинцами народностей Саяно-Алтайского нагорья, их можно было бы сопоставить уже при публикации этого материала с распространенными в Саяно-Алтайском нагорье погребениями умерших на столбах с настилами. Эти погребения были типичны для шаманов, которых хоронили обычно на деревянных настилах, устроенных на четырех столбах. Такие погребальные сооружения, как об этом сообщается в этнографической литературе, как раз были известны в прошлом ближайшим соседям западных тувинцев — южным алтайцам и хакасам. В. И. Вербицкий писал, что в XIX в. у южных алтайцев «тела умерших хоронят различно: или кладут в деревянные срубы, утвержденные сверх земли на четырех столбах, или закапывают в горы вместе с любимыми конями покойников»⁹.

Г. И. Спасский в самом начале XIX в. сообщал, что бельтиры своих умерших «в лесных чащах в гробах вешают на деревьях или ставят на столбах»¹⁰.

Гораздо определеннее об аналогичных погребениях шаманов у хакасов писал позднее И. Каратапов: «Шаманов же хоронят не на кладбищах, а в тайге на самой вершине высокой горы; сначала ставят четыре столба с перекладинами, на них накладывают жерди, на жерди — хворост и, наконец, самого шамана во всем шаманском облачении с бубном»¹¹.

Таким образом, гробницы на столбах (в том числе и срубные) еще около ста лет назад были распространены не только у тувинцев¹², но и в горно-таежных районах Алтая и Хакасии.

Там они впоследствии исчезли под влиянием христианства, сохранившись, по выражению Л. П. Потапова (стр. 232), «в глухом углу Тувы».

Кстати, подобные гробницы на столбах были распространены не только на Саяно-Алтайском нагорье и у якутов, но и у других народов Сибири. Например, только шаманов хоронили на погребальных помостах (аранга) и буряты¹³. Арангасы на столбах были распространены у эвенков¹⁴ и угров.

Все эти данные о распространении арангасов у народов лесной полосы Сибири, видимо, должны учитываться этнографами при изучении «воздушных» погребений тувинцев.

Далее в статье Л. П. Потапова приводятся ценные материалы по похоронам и поминкам тувинцев, охотничьей магии, культуре медведя, народным поверьям и приметам. Отправляясь от рассказов тувинки — бабушки Анай (одного из основных информаторов экспедиции — см. стр. 5—6, 153—154 и др.) о том, что тувинцы ставили богатым покойникам «статуи, изображающую умершего человека», автор (стр. 233) высказывает сомнение, «ибо ни в каких поздних письменных источниках об этом ничего не говорится, а главное, все каменные антропоморфные изваяния, известные на территории Тувы, относятся по всем признакам к средневековым памятникам». Это все верно, но известно и определенное указание Н. Ф. Катанова, что у тувинцев северо-западной Монголии¹⁵

⁹ В. И. Вербицкий, Алтайские инородцы, М., 1893, стр. 86.

¹⁰ Г. И. Спасский, Народы, кочующие в верьху реки Енисей, «Сибирский вестник», ч. 1, СПб., 1818, стр. 104.

¹¹ И. Каратапов, Н. Попов, Качинские татары Минусинского округа, «Известия РГО», т. XX, вып. 6, СПб., 1884, стр. 630—631.

¹² Еще Ф. Я. Кон, описывая ламаистские погребения тувинцев на поверхности земли, указывал, что «исключение делается лишь для шаманов и пораженных громом; и тех, и других складывают на площадке из досок, укрепленных на шестах (т. е. помостах. — Л. К.)» — см.: «Исследования Ф. Я. Кона в земле урянхов», «Русский антропологический журнал», кн. XII, № 4, М., 1903, стр. 119. Ср. сообщение Н. Ф. Катанова о похоронах тувинцев северо-западной Монголии: «делают из древесных ветвей подобие стола и кладут на него покойника», см.: Н. Ф. Катанов, О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней, «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XII, вып. 2, Казань, 1894, стр. 128.

¹³ Н. Н. Агапитов и М. Н. Хангалов, Шаманство у бурят Иркутской губернии, «Известия восточно-сибирского отделения РГО», т. XIV, № 1—2, 1883, стр. 55.

¹⁴ С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 504; А. Ф. Анисимов, Религия эвенков, М.—Л., 1958, стр. 58, 150, 233. Слово «арангас» ср. с монгольским: «аранга» — «помост, вышка».

¹⁵ О них и их языке см.: В. Ф. Ладыгин, Этнографический очерк, «Известия РГО», т. XXXV, вып. VI, СПб., 1899.

«если покойник пользовался уважением народа, то возле него ставится его изображение, вытесанное из камня или вырезанное из дерева»¹⁶.

Следующие статьи В. П. Дьяконовой и П. И. Каралькина дают едва ли не первую научную фиксацию материалов по типам одежды и жилищ западных тувинцев. Их подробное описание сопровождается документальными фотографиями и хорошими чертежами. Следует отметить публикацию чертежей покроя тувинской одежды, даваемых впервые, а также как новый ценный материал в изучении одежды — публикацию описания и рисунков типов швов. Все эти элементы и части одежды описаны с выявлением тувинской местной терминологии.

Эти материалы, как и материалы статьи Л. П. Потапова, представляют определенный вклад в этнографическую науку. Конечно, можно высказать сожаление о том, чего не дали или не сделали авторы рецензируемой книги. Например, Л. П. Потапов обратил основное внимание на подробное изучение шаманства и совсем не затронул ламаистского культа у тувинцев. Между тем было бы чрезвычайно интересно составить представление о местной разновидности ламаизма, о формах и сочетаниях этой религии с параллельно существовавшим шаманизмом, о синкретичности культовых представлений тувинцев в прошлом.

Представляется спорным при изучении каких-то конкретных форм материальной культуры тувинцев пытаться выискивать элементы сходства ее только с материальной культурой древних тюрков VI—VIII вв., как это делает иногда В. П. Дьяконова (стр. 169, 250—251), и при этом не упоминать сильнейшей «омонголенности» тувинской культуры в целом, что особенно проявляется в одежде. Можно ли на основании находок сходных с тувинскими бронзовых пуговиц в погребениях VI—VIII вв., говорить, что «сохранение традиционности в некоторых элементах материальной культуры у современных тувинцев прослеживается по археологическим данным довольно четко начиная с VIII в.» (стр. 250, прим. 20), или же наборные пояса тувинцев возводить к древнетюркским (стр. 251). И то и другое было и есть у монголов, а чтобы «четко» проследить по археологическим данным связи элементов тувинской материальной культуры с древнетюркской VI—VIII вв., необходимо еще доказать наличие таких генетических связей в материалах VIII—XVI вв.

Несмотря на некоторые отмеченные нами недостатки, несущие преимущественно частный характер, рецензируемый I том Трудов ТКЭАН является значительным вкладом в тувиноведение. В заключение следует пожелать коллективу сотрудников экспедиции успешного выполнения поставленных перед нею задач и скорейшей публикации всех собранных материалов.

Л. Р. Кызласов

¹⁶ Н. Ф. Катанов, Указ. раб., стр. 128.

И. С. Гурвич, К. Г. Кузаков. *Корякский национальный округ*. М., 1960, 302 стр.

Каждый, кто бывал на Севере, знает, как нужны на местах работы о современном хозяйстве и культуре коренного населения, о природных ресурсах и перспективах промышленного развития национальных округов. В предвоенные годы обо всех национальных округах, кроме Таймырского и Чукотского, были изданы книги или брошюры. Корякскому национальному округу была посвящена интересная работа М. А. Сергеева, вышедшая в 1934 г.¹ Понятно, однако, что к настоящему времени она уже устарела. В послевоенные годы о Корякском национальном округе не было напечатано ничего, кроме отдельных газетных и журнальных статей. Потребность же в работе, обобщающей огромные перемены, происшедшие в жизни народностей округа за 30 лет его существования, очень велика. Поэтому книга И. С. Гурвича и К. Г. Кузакова весьма актуальна и, очевидно, будет с интересом встречена широкими кругами специалистов и местных практических работников Корякского национального округа.

В книге подробно рассказывается о природных условиях и естественных ресурсах округа, истории корякского народа до Октябрьской революции и в советский период, а также характеризуются современное народное хозяйство округа и культура его коренного населения. Очень ценно, что авторы обращают внимание читателей на еще не решенные проблемы и дают много полезных рекомендаций по различным вопросам развития хозяйства и культуры Корякского национального округа и перестройки быта его коренного населения. Авторы использовали большое количество источников и литературы и, что особенно ценно, лично собранные ими в последние годы обширные материалы об экономике и культуре коренного населения округа. Поэтому в книге содержатся новейшие данные по всем рассматриваемым в ней вопросам. Тем более обидно, что эта интересная и обстоятельно написанная работа не лишена некоторых недостатков. Наиболее существенными из них, на наш взгляд, являются следующие.

¹ М. А. Сергеев. *Корякский национальный округ*, Л., 1934.